

Н

12

РОКОДИЛ

№ 8 МОСКВА МАРТ 1933

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

В КОЛХОЗЕ

БРИГАДИР: — Ты сегодня опять на работу не вышел!

ЛОДЫРЬ: — Не видишь, — занят: инвентарь на осень готовлю.

Рис. К. Епирова (Тема Я. Бельского и М. Глушкова)

— Беда с ними: лошади падают, тракторы не ремонтированы, семфондов нет...
— Что поделаешь?.. Четвертый год на этой работе сидит, привыкли мы к нему.

(Тема Вас. Лебедева-Кумача)

ЧИСТОПЛОТНЫЙ СЛУГА

В американском журнале „ТАЙМ“ читаем:

Члены комиссии Литтона рассказывали друг другу и своим ближайшим друзьям о тех приключениях, которые у них имели место с японскими шпионами во время путешествий в Японии и в Китае. В особенности их позабыл один случай.

В Бейпине жена генерала Франка Росс Мак Кой, американского члена комиссии Литтона, миссис Франсиз Джэдзон Мак Кой вошла как-то неожиданно в свою спальную комнату в гостинице и застала слугу, усердно стиравшего пыль в комнате.

— Прекрасно, — воскликнула миссис Мак Кой, — комната довольно грязная, не правда ли? Я так рада, что ты вытираешь пыль. Теперь возьми швабру и почишь пол!

В течение двух часов слуга, потев и пыхтя, убирал комнату.

— Ну вот, все как будто почищено, — обратилась миссис Мак Кой к усердному слуге, — я хочу теперь, чтобы ты переставил в комнате мебель. Передвинь эту кровать вот на то место, а этот письменный стол переставь вон туда. Затем ты можешь почищать немного потолок.

Потев и ворча, слуга беспрекословно слушался распоряжений миссис.

Наступило время ужина и миссис Мак Кой должна была заняться своим туалетом.

— Вы можете теперь итти, — сказала она с очаровательной улыбкой на лице. — Большое вам спасибо, капитан Китакава.

АНГЛИЙСКАЯ ГОРЬКАЯ

По сообщению газеты „Ахт. Ур. Абендблатт“ в Англии собираются путем лозунга „Пейте только все британское“ сделать пьянство патриотическим делом.

Количество патриотов теперь несомненно сильно возрастет, и Англия снова твердо станет на ноги.

Только патриоты-англичане зато начнут усиленно пошатываться.

ПОСТУПЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

По сообщению американской печати, судья верховного суда Сан-Франциско Роберт Грехем внес проект о введении позорного столба, к которому следует привязывать преступников и бить их кнутом по обнаженной спине. Вообще штрафы и тюремные заключения слишком мягки, заявил почтенный судья.

Мы не возражаем против этого проекта при условии, что к столбу будет прикован судья Грехем и получит наказание с таким расчетом, чтобы после этого он месяца два не смог сесть на свое судейское кресло.

НА ПОСТУ

— Ну, как у вас в районе по части сева?
— У нас-то? Подготовочку, можно сказать, провели стопроцентно. Еще в феврале. И инструкции, и разъяснения, и агитация... На все сто, одним словом!
— Не подкачали?
— Не маленькие. Понимаем значение! Не знаю, конечно, как в других районах: может, конечно, кой-где оппортунисты засели... А у нас постановка дела на высоте!
— Приятно слышать. Значит, будете с урожаем?
— Ну, насчет урожая... как сказать? Загадывать рано еще, потому что неполадочка маленькая произошла: конский падеж.
— Вот тебе раз! А от каких же причин?
— Разное говорят. Темные люди — те на божье попущение сваливают... Бюрократы — эти больше на объективные причины. А я так понимаю: не иначе, кулачье постаралось. Дело ясное!
— Так. Меры приняты? Выявлены кулаки?
— Не до того было. После прорыва на конском фронте я, конечно, все внимание на тракторный устремил. В ударном порядочке!
— А тракторов хватает у вас?
— Сорос штук. Стопроцентно можно обслужиться!
— Ну, тогда еще ничего...
— Ничего-то, ничего, да не совсем. Из сорока машин тридцать девять в состоянии непригодности оказались.
— Поступили, значит, в ремонт?
— Нет, поступили непригодными из ремонта. Кулацкая работка, ясно! Можно, конечно, на объективные причины валить, но...
— Чорт знает что!..
— Напрасно, товарищ, чертыхаетесь: сперва разобраться бы надо! Обидно, конечно, что кулаки обнаглели, но, собственно говоря, мы покудова и без коней и без тракторов обойдемся.
— Это как же так? Себя, что ли, запряжете?

— Вон вы, шуточки! А тут дело серьезное. Тут вот какая произошла неувязка: семенной фонд весь у нас разворован. Кулачки потрудились. Так что с тракторами и торопиться нечего. Да куда ж вы, товарищ?.. Подготовочка-то, говорю, в общем и целом на все сто процентов проведена... Товарищ, а товарищ?!
...Ушел. И всегда вот таких присылают из области. Как о неполадках слушать, так он — в оба уха, а как о достижениях, о стопроцентном проведении кампании заговоришь, так ему — адьо, некогда! Только бы товарища подсадить, недостатки в работе подметить! За тем и ездют. Эх!..

ГРАМЕН

ВЕСНОЙ

— У меня сельхозмашины зимой под открытым небом не валялись.
— В сараи были убраны?
— Нет, они под снегом лежали.

ПРУЖИННЫЙ ЗАВОД

Эй, грачи летят, смотри-ка!
Пахнет в воздухе весной.
...Говорит работник рика
О весенней посевной.

Час проходит. Два. Четыре.
Продолжается доклад.
Много цифр. Охват все шире,
Все крупней цитатный град.

— Все, от мала до велика,
Фонд засыпьте семенной
(Говорит работник рика)
Для весенней посевной!

— Ну, а как там с МТС-то?
А конюшня — не пуста?.. —

Вдруг раздался голос с места:
— Ты бы съездил на места!..

Тсс!.. Хотя бы для прилика
Помолчал бы, озорной!
Говорит работник рика
О весенней посевной!..

— Ну, а как там кулаки-то? —
Снова голос загалдел, —
Много ль „шляпами“ прикрыто
Неприкрыто-черных дел?..

Тсс!.. Еще поговори-ка!
Помолчать-то ты — больной?!
Говорит работник рика
О весенней посевной!..

Говорит. Ему внимая,
Дремлет сторож. Рот раскрыт.
Март... Апрель... Начало мая...
А работник говорит.

Поспевает земляника,
Зреет колос наливной...
Говорит работник рика
О весенней посевной.

— О весенней? Ты здоров ли?
Глянь-ка: осень на носу!
Выйди, дядя, из-под кровли,
Побывай в полях, в лесу!..

— Осень?.. Вот так заковыка!
Да... Упор мой основной
(Говорит работник рика)
На задачах посевной!..

Но исправьте в протоколе:
Об осенней был доклад!
Ну-с, итак, работы в поле
Лишь тогда пойдут на лад,

Если..

Март. Зима, смотри-ка,
Скоро сменится весной:

Говорит работник рика
Об осенней посевной!..

Никита Крышкин

ЗАКАТ „БРАТИШКИ“

С глазу на глаз я тебе скажу, братишка, — что же это получается? Ты Февральскую революцию вспоминаешь? Не позабыл еще, братишечка, Февральскую революцию?

Ну, вот, братишка, — например, стоит поезд. Поезд стоит, а я сажусь. Конечно, я сажусь в вагоны с мягким сидением. И никто с меня за это денег не спрашивает. В чем дело? Какие такие разговоры? Сажусь и сижу. Могу и по-лежать, в крайнем случае, при желании. В чем дело? Крути, Гаврила. Вези — давай!

И Гаврила крутит. И Гаврилка наворачивает.

И вот мы едем, а я у товарищей, между прочим, спрашиваю:

— Куда это мы, товарищи, едем и где, например, заворачиваем?

— В Москву, — говорят товарищи, — мы едем и очень скорым поездом, без пересадки!

— В Москву? Очень приятно. Сроду я там не бывал. Посмотрим: как и что?

А Гаврилка накручивает, а мы едем прямым сообщением и без пересадки..

Когда смотрю: — станция. Когда смотрю, — буфет на станции.

— Присмотрите за моим сидением, — прошу я у людей, а сам — в буфет. И выпиваю чай с двумя пирожками. Посуду, конечно, — с собой. Сам, братишка, знаешь, — в дороге и стакан с блюдечком и ложечка не помешают. А чайник, в крайнем случае, у других найдется. В чем дело?

И вот мы едем. И вот мы приезжаем в Москву.

Я смотрю: действительно город. Очень церквей много. Разные ораторы прямо с памятников разговаривают. Солдаты торгуют семечками. А в Кремле царь-пушка стоит. Пусть, думаю, стоит. Она большая. Ее в карман не положишь.

Иду в общем — гуляю. Смотрю — написано: „Румянцевский музей“. Чего там, думаю. Захожу — картинки. Ну, я их не трогаю. Чего с ними делать? И рамки тоже — ни к чему. Сверху — краска золотая, а в середине — это ж дерево. Люди уже до меня, смотрю, пробовали ножичком.

Ну, между прочим, заглянул в уборную. Смотрю — чистота. Смотрю — полотенце на жердочке, длинное, может, в сажень. Смотрю — мыло семейное на умывальнике. Вот это для меня! Из такого полотенца две пары портянок выйдет, не меньше. Мыла тоже для всех нехватит, а мне, между прочим, пригодится.

Вот, братишка, снимаю я полотенце, забираю мыло, и никто мне слова лишнего не говорит. Слышу, в залах один с другим разговаривают и на меня показывают:

— Вот этот полотенце снял, успел, сукин кот, я сам как раз на полотенце целился!

Только и разговору. Вот как тогда было! А теперь что же это, братишка, получается? А теперь вот, например, я обедаю в столовой гражданского питания. Вот я обедаю и вот уже я пообедал; и беру с собой, конечно, ложечку. Ну, беру я ложечку, тем более в дверях никакого контроля. И тут, понимаешь, подходит такой себе обыкновенный, ну, как я.

— Положь, говорит, ложку обратно на место!

— А ты кто?

— За меня не беспокойся, а ложку положи!

— Да ты-то чего беспокоишься? Вот человек, лезет не в свое дело!

— Нет, говорит, наоборот — это дело, говорит, и мое, и твое, и вообще наше общее!

— Э, думаю, уж не нацелился ли ты, паренек, на эту самую ложечку?

Кладу ее на стол, выхожу и оглядываюсь. Смотрю, и этот человек тоже выходит. А ложечка на столе..

Что такое?!!

А то вот еще, например, такой, братишка, случай.

Вывинчиваю я в коридоре лампочку, полуватик такой. И вот тебе — здрасте. Уже подходят, уже объявляют:

— А ну винти назад!

— А тебе-то что? Убыток тебе?

— Не мне, говорит, убыток, а обществу. Лампочка общественная.

— А ты здесь при чем?

— А притом, что винти назад!

С глазу на глаз, братишка, я тебе скажу, ведь это что же? В трамвай с передней площадки вот, например, я сажусь, и все уже кричат.

— Эй, кондуктор, вот этот желает ехать задаром. Оштрафуйте его на три рубля!

— Вот, скажи на милость. Да вам-то что? — говорю. — Ну кондуктор, — я еще понимаю. У него должность. А вы почему здоровье расстраиваете?

Или иду я по заводскому нашему двору. Иду, смотрю: гайки валяются. Смотрю и думаю: тут они валяются без дела, а мне, в крайнем случае, это пригодится. Только поднимаю одну-другую гаечку, — здрасте, пожалуйста:

— А ну, верни!

— Да ведь тут они, гайки, без дела лежат!

— За это не беспокойся. Можно будет и для дела приспособить!

— Да ты кто, сторож?

— Нет, не сторож!

— Кто ж ты такой есть?

— Я — гражданин Советского союза!

Вот тебе, здравствуйте, а я что же, собака?

Тут еще и другое. Захожу я в клуб. Смотрю — кресло. Смотрю я — кожа на кресле. Смотрю — коричневая кожа. Смотрю — очень прекрасные из этой кожицы выйдут голенища. Вот я достаю свой складной ножичек, вот я..

— А ну, не трожь!

— Вот опять тебе, здравствуйте. Да тебе-то что?

— А то, что тут, говорит, очень близко уже пахнет показательным процессом!

— Ты кто, прокурор?

— Нет, не прокурор.

— Кто ж ты такой есть?

— Гражданин Советского союза!

... Ах ты, мать честная, богородица. С глазу на глаз объясни ты мне, братишка, что такое, в крайнем случае, получается? Что это за должность? По какому такому она разряду. И куда мы, братишка, идем и где же мы, братишечка, заворачиваем?!!

Л. Митинский

О ЗАЕДАЮЩИХ

Только народ, которому вдоволь
Пришлось помучиться и пострадать,
Мог сочетать такие три слова:
„Чужую жизнь заедать“.

В этих словах нет тонкой культуры,
Но, право, они больней и сильней
Хваленой гуманной литературы
Безрадостных прошлых дней.

Классовый яд по капельке собран
Из слез и гнева сотнями лет,
Чтобы возник убивающий образ:
„Ми-ро-ед!“

Скажите ребенку это слово, —
Волк, паук и оранг-утанг
Мелькнут в уме, — и встанет багрово
Полуживотное, полутанк.

Мы — не ребята. Но нашим дедам
Чудилась жуткая тень паука,
Когда крестили они мироедом
Сжавшего их в кулак кулана.

Нынче мы расправляемся круто
С теми, кто жизнь привык заедать,
И мироедов явных, как будто,
Нынче в Союзе и не видать.

Страшное слово нам прижелькалось,
Голос наш от него не дрожит.
Но разве сейчас уж совсем не осталось
Тех, кто хотел бы заесть нашу жизнь?

Остались! Смотрите: вдали и рядом
Еще не стерся паучий след,
И пусть он в щелях глубоко запрятан, —
Но он не умер еще — мироед!

В свою паутину мужчин и женщин
Он тянет, ругая большевиков
— Хватай побольше, работай поменьше!
Работа любит одних дураков!

Скажите, разве не мироедство
Сложит свой труд на плечи других
И находить лазейки и средства
Паек получать за четверых?

Разве тот, кто от общей работы
Хотя бы час крадет на-авось,
Не заедает жизнь кого-то,
Кому этот час отработать пришлось?

У нас мироедам нет пощады,
Они разбиты, расселены... Но —
Их вековым мироедным ядом
Не мало людишек заражено.

И надо повсюду — в быту, на работе —
Разом отпор сокрушительный дать
Гнусной паучьей барской охоте
Чужую жизнь заедать!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В достопочтенной немецкой „Ферерцайтунг“ в № 144 помещено без комментариев следующее объявление:

Два только что закупленных быка
ГИТЛЕР и РОБИН
готовы к случке.

Мы тоже от комментариев воздерживаемся.

НОВОЯВЛЕННЫЙ МУЗЫКАНТ

Джим Уокер, знаменитый мэр города Нью-Йорка, уличенный во взяточничестве и мошенничестве и других уголовных деяниях и путешествующий ныне по Европе, решил, как сообщают газеты, зарабатывать свой хлеб в качестве композитора легкой музыки и артиста Варьете. Мы сочувствуем господину мэру. Блатной музыкой, конечно, было заниматься гораздо легче.

ЗАПАДНЯ

Один мой знакомый парнишка, он, между прочим, поэт, побывал в этом году за границей.

Он объездил Италию и Германию для ознакомления с буржуазной культурой.

Очень много чего любопытного видел.

Ну, конечно, — говорит, — громадный кризис, безработица, противоречия на каждом шагу. Продуктов и промтоваров очень много, но купить не на что.

Между прочим, он ужинал с одной герцогиней.

Он сидел со своим знакомым в ресторане. Знакомый ему говорит: — Хочешь, сейчас я для смеха позову одну герцогиню. Настоящую герцогиню, у которой пять домов, небоскреб, виноградники и так далее.

И, значит, звонит по телефону. И вскоре приходит такая красоточка лет двадцати. Чудно одетая. Манеры. Небрежное выражение. Три носовых платочка. Туфельки...

Заказывает она себе шницель и в разговоре говорит:

— А я, знаете, уже неделю мясного не ела.

Поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас а-ля мезон столько домов, дескать, врите, навораживаете?

Она говорит:

— Уже полгода, как жильцы этих домов квартплату не вносят. У населения денег нет.

Этот небольшой фактик я рассказал так, вообще. Для разгона. Это, так сказать, присказка. А сказка только сейчас начинается.

Так вот, мой знакомый поэт очень, между прочим, хвалил европейскую чистоту и культурность. Особенно, говорит, в Германии, несмотря на такой вот громадный кризис, наблюдается удивительная, сказочная чистота и опрятность.

Улицы они, черти, мыльной пеной моют. Лестницы скоблят каждое утро. Кошкам не разрешают находиться на лестницах и на подоконниках, как у нас.

Кошек своих хозяйки на шнурочках выводят прогуливать.

Все ослепительно чисто.

Даже такие второстепенные места, как уборные, и то сияют небесной чистотой. Приятно и неоскорбительно для человеческого достоинства заходить.

Он зашел, между прочим, в одно такое второстепенное учреждение. Просто так, для смеху.

Оказывается, да! Это, говорит, ахнуть можно от восторга и удивления. Волшебная чистота, голубые стенки, на полочке фиалки стоят. Прямо уходить не охота.

Что, думает, за чорт! Наша страна — передовая, а в смысле чистоты мы еще сильно отстаем. Нет, думает, вернусь в Москву, — буду писать и стыдить и Германию ставить в пример. Конечно, у нас многие ребята относятся ханжески к этим вопросам. Им, видите ли, неловко писать и читать про такие низменные вещи. Но я, думает, пробью эту косность. Вот вернусь и поэму напишу, мол, грязь и безобразие. Тем более, у нас сейчас идет кампания за чистоту.

Вот наш поэт находится за закрытой дверью, думает, любитесь фиалками, мечтает, какую поэмку он отгрохает. Даже приходят к нему рифмы и строчки. Чего-то там такое:

Рис. М. Черемных

— Я тебе покажу, гадина, как в центр жаловаться...

(Тема Я. Бельского)

НЕОПЛАЧЕННОЕ УСЕРДИЕ

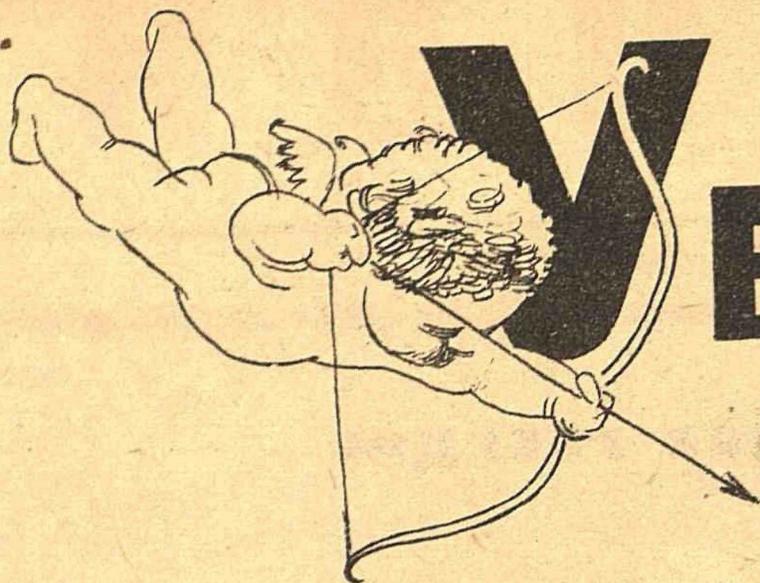
Рис. Л. Гонча

ЛГ 332

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ: — За что ж ло шее?
На чаек бы с вашей милости!**

(Тема В. Лебедева-Кумача)

УБИЙ

Понимаешь ли, милый читатель,
Может быть, я и сам виноват:
Я, не то, чтобы лунный мечтатель,
Ну, а все ж таки—лириковат.

Не могу! Сатирический Надсон—
Я опять о любви верещу;
Понимаешь ли, надо сознаться,—
Я ее полюбил чересчур.

Понимаешь ли, что это значит,
Если девушка в гости придет,
Поцелует тебя и заплачет,
Что один молодой идиот —
Не ее, не мою дорогую,
А другую позвал на каток.
И она проклинает другую
И лиловый грызет ноготок.

Утешаешь ее, обнимаешь,
Говоришь, что вернется опять.
Самолюбие — сам понимаешь...
Да и нечего тут понимать...

Спрячешь сердце глубоко под ребра
И болтаешь об этом хлыще,—
Дескать, ты бескорыстный и добрый
И сочувствуешь — и вообще.

Я старел и плешивел. И запах
Холостецкий пошел от меня.
И ходили ровесники в папах,
Золотыми зубами звеня.

Но однажды в толкучке вокзала,—
Это был Ярославский вокзал,—
Понимаешь, она мне сказала...
То-есть, я ей сначала сказал...

Словом, дело не в этом. Ты сам уж
Догадался наверно... Ну, да...
Ну, конечно... Вот именно... Замуж...
За кого? За него? Ерунда!

За меня! Понимаешь, читатель—
Не для рифмы, и не для стиха!
На глазах у контроля мечтатель
Перестраивался в жениха.

Уплатив за такси не по таксе
Самодуру в перчатках оброк,
Показался с невестою в загсе
Автор этих лирических строк.

Щеголя своим безучастьем,
Регистраторши злобу таят.
В череду за супружеским счастьем
Женихи и невесты стоят.

В зале холодно. Форменный ледник,
Отделение вечной зимы.
Я смущенно спросил: „Кто последний?“
И ответила барышня: „Мы“.

И плакаты за нас волновались
И за наших возможных детей:
„Ты еще не сдавал на анализ
Подозрительной крови своей?“

И заботливой ласкою грея,
Сообщала другая стена:
„Знаешь что, гражданин: гонорея
Чрезвычайно распространена!“

Третий лозунг сомнение гложет,
Он боится болезни иной:

СТОП товарищ!
ЖЕНА ТВОЯ МО-
ЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ
ДУШЕВНО-БОЛЬНО!

Я окинул любимую взглядом
И сказал, неуклюже шутя:
„Дорогая, а может, не надо...
Может, этак недельку спустя“.

ЦЫ

Любовь

Что мы просим? Законной оправы
Для пылающих наших сердец.

Погодите, товарищ, не спорьте,
Приоткройте сердечный закут.
Неужели по вашей аорте
Вместо крови чернила текут?

Тут любви! Половодие страсти!
Регистраторша! В этот момент
Я цвету... И пожалуйста—здрасте—
Не понравился наш документ!

Регистраторша! Стойте! Ни с места!
Распиши! Поспеши! Успокой!
Завтра может раздумать невеста—
У невесты характер такой“..

Между тем регистрация браков
Не спеша подвигалась вперед.
Мы с невестой замерзли. Однако
Наступил долгожданный черед.

Вдвое толще „Карениной Анны“
Перед нами раскинулся том:
В нем на каждой странице романы.
И не выдуманные при том.

Я ее умолял, не ругая,
Не грозя. И почти умолил,
Но на помощь явилась другая
Регистраторша свежих могил.

Не скрывая, что нас почитает
За неблагонадежных людей,
Регистраторша мрачно читает
Документы невесты моей.

Та, что ведает записью смерти,
Появилась внезапно она —
Безразлична

и

холодна.

Было холодно. Сделалось жарко,
Оттого, как сказала она:
„Тут у вас не наклеена марка.
А на пятой страничке помарка,
И она
Не оговорена“.

Как луна, как печать на конверте,
Как подземного моря волна,
И такую я не атакую,—
На нее поглядишь и поймешь,

Ты бы грубо ругнулся при этом
И пошел бы домой разозлен,
Но она говорила с поэтом,
С трубадуром, который влюблен.

Что прохладную халду такую
Никогда и ничем не поймешь.

Это был ураган красноречья —
Говорил вдохновенный жених;
Вся Москва бы
И Замоскворечье
Задрожало б от жалоб моих:

„И пошли они солнцем палимы“,—
Ну, заврался. А ты не бузи.
И пошли мы с невестой любимой
Состоять в незаконной связи.

М. ВОЛЬПИН

„Вы, быть может, формально и правы
Но поймите меня, наконец!“

Иллюстрации М. Храповского

ПОД СОЦИАЛ-ФАШИСТСКИЙ ГРЕБЕНЬ

„Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы класса до признания диктатуры пролетариата“.
(Ленин, т. XXI стр. 392)

Рис. К. Ротова

— Почему у вас Маркс такой тоненький получился?
— А я отсюда вырезал все, что было о диктатуре пролетариата...

(Тема А. Бухова)

„Даже сюда зайти очень мило,
Фиалки на полках цветут.
Да разве ж у нас прошел Атилла,
Что такая грязь там и тут“.

А после, напевая последний немецкий фокстротик „Луфвидерзейн, мадам“, хочет уйти на улицу.

Он хочет открыть дверь, но видит, — дверь не открывается. Он подергал ручку — нет. Приналег плечом — нет, не открывается.

В первую минуту он даже слегка растерялся. Вот, думает, попал в западню.

После хлопнул себя по лбу.

— Я, дурак, думает, позабыл, где нахожусь, — в капиталистическом мире. Тут у них за каждый шаг пфенниги плати. Небось, думает, надо им опустить монетку, тогда дверь откроется. Механика. Черти. Кровопийцы. Семь шкур дерут. Спасибо, думает, у меня в кармане мелочь есть. Хорош был бы я гусь без этой мелочи.

Вынимает он из кармана монеты. Откуплюсь, думает, от капиталистических щук. Суну им в горло монету или две.

Но видит, — не тут-то было. Видит — никаких ящичков и отверстий нету. Надпись какая-то есть, но цифр на ней никаких не указано. И куда именно пихать и сколько пихать, — неизвестно.

Тут нащ знакомый прямо даже несколько струхнул. Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит — собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит:

— Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукуются, но, видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит:

— Геноссе, геноссе, дер тюр, сволочь, не открывается. Будьте любезны, отпустите на волю. Два часа сижу.

Немцы говорят:

— Шпрехен зи дейч?

Тут поэт прямо взмолился:

— Дер тюр, говорит, дер тюр отворите. А ну вас к лешему!..

Вдруг за дверью русский голос раздаётся:

— Вы, говорит, чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

— Ну да, говорит, второй час бьюсь. В западню попал.

Русский голос говорит:

— У них, эта дверь механическая. Вы, говорит, наверное, позабыли машинку дернуть. Спустите воду, и тогда дверь сама откроется. Они это нарочно устроили для забывчивых людей.

Вот знакомый сделал, что ему сказали, и вдруг, как в сказках, дверь открывается. И знакомый, пошатываясь, выходит на улицу под легкие улыбки и немецкий шопот.

Мой знакомый, подняв воротничок пиджака, быстро поднажал к выходу.

У выхода сторож его почистил метелочкой, содрал малую толику денег и отпустил восвояси.

Только на улице мой знакомый отдышался и успокоился.

— Ага, думает, стало быть, хваленая немецкая чистота не идет сама по себе. Стало быть, немцы, силой ее насаждают и придумывают разные хитрости, чтоб поддержать культуру. Хоть бы у нас тоже чего-нибудь подобное сочинили!..

На этом мой знакомый успокоился и, напевая „Луфвидерзейн, мадам“, пошел в гости как ни в чем ни бывало.

МИХ. ЗОЩЕНКО

Рис. Л. Генча

Нередки случаи, когда врачи, подающие медпомощь на дому, ограничиваются выпиской бюллетеней.

АМБУЛАТОРНЫЙ ВРАЧ: — Да, положение серьезное, придется пригласить врача.

(Конкурсная тема тов. Худовердяна, Эривань)

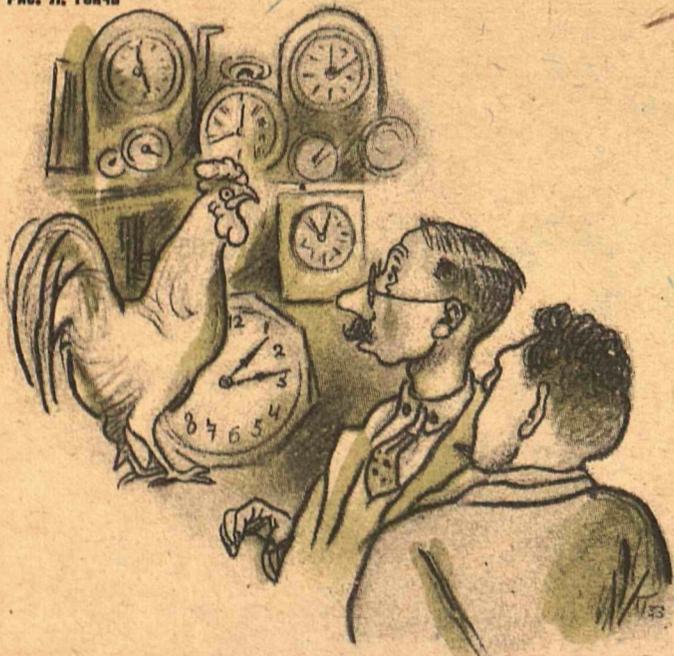

— Что такое, — слушаю, слушаю и ничего не понимаю!..
— Напрасно трудитесь, профессор, теперь час передачи для детей.

(По своей теме)

НА ВТОРОМ ГОСЧАСОВОМ ЗАВОДЕ

Рис. Л. Гонча

— А зачем вам в лаборатории петух?
— Специально для регулирования точности наших будильников.

(Тема Я. Бельского и Н. Елисеева)

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Самая оригинальная в СССР справка, без сомнения, выдана председателем Красногорского сельсовета (Украина).

Вот как звучит этот чудный документ:

„Дана сия гр-чу по.с. Манжурки, Красногорского сельсовета, Луценко Григорию в том, что он действительно есть та самая личность, за которую он себя выдает, что подтверждается сельсоветом.“

К сожалению, мы не можем увековечить автора этой справки, так как подпись его неразборчива. Между прочим, владелец вышеприведенного документа чувствует себя прекрасно и в настоящий момент выдает себя не то за алжирского бая, не то за абиссинского негуса.

Председателю же сельсовета не надо себя выдавать ни за кого: сразу видно, что он — шляпа!

ДОН-КИХОТ ИЗ АРИЗОНЫ

Могучий дух великих английских путешественников, знаменитых следопытов и бесстрашных флибустьеров таился в душе мистера Паркера, рядового фермера — середняка из штата Аризона.

Но мир стал банален. Компания Кук гарантирует каждому американцу, располагающему тысячей, другой долларов, путешествие в любые дебри от верховий Амазонки до Северного полюса по точному расписанию и с полной страховкой от всяких опасных приключений.

А мистер Паркер жаждал именно опасных приключений, незаурядной героики, сногшибательного риска и романтических переживаний.

По зрелом рассуждении, мистер Паркер решил, что самое опасное место на земном шаре — это СССР, а самые огнедышащие пункты в СССР — колхозы.

В этом убедила мистера Паркера американская „свободная“ печать, бомбардировавшая читателя пачками „колхозных ужасов“ и „большевистских зверств“.

Сведения были потрясающи. Но на мистера Паркера они действовали, как пироксилиновый запал на снаряд. Он воспламенялся все сильнее.

В конце концов мистер Паркер заложил в банк ферму и героически поехал в СССР.

Однажды в большом селе Каширского района Колтове, в животноводческом и огородном колхозе „Искра“ можно было наблюдать необычайное явление:

В самом центре главной колхозной улицы, возле колодца, рядом с пожарным колоколом, стоял странный маленький человечек, как две капли воды похожий на знаменитого героя фантастического романа Уэльса „Первые люди на луне“ мистера Кевора.

На нем была клетчатая кепка, на толстых коротеньких ногах красовались широкие туристские штаны до колен, через плечо висели „Лейка“ и цейсовский бинокль, он был обут в альпийские сапоги с толстыми коваными подметками.

Сходство дополнялось тем, что на колхозских колхозников появление мистера Паркера (а это был он) произвело не меньшее впечатление, чем спуск Кевора на луну к селенитам.

Доярки, шедшие на скотный двор, застыли на пригорке с ведрами, мальчишки, собравшиеся со всего села, пытались осторожно пощупать толстые туристские шаровары Паркера; проходивший по одному из бесчисленных своих поручений колхозник Максаков, более известный в колхозе „Искра“ под псевдонимом „дипкурьер“, в виду обилия лежащих на нем заданий до того удивился, что хотел даже ударить в пожарный колокол.

Но потом он оправился и, подойдя к мистеру Паркеру, дипломатически сказал:

— Гут морген. Бонжур. Габе ди эре.— „Дипкурьер“ был несколько лет пленным в Германии и Франции и понимал толк в дипломатическом обращении.

Он привел мистера Паркера к председателю колхоза товарищу Савину и отрекомендовал его иностранцу:

— Геноссе Савин. Унзер шеф. Председатель!

Савин широко улыбнулся и сказал:

— Садись, мистер. Гостем будешь. А вот наш секретарь ячейки—Камушкин.

Мистер Паркер с трепетом взглянул на подошедшего страшного комиссара и удивился его приятной улыбке и прозрачным голубым глазам. Он начал подозревать, что никакой смертельной опасности от этого кровожадного большевика ему, Паркеру, не предвидится.

Тем не менее, Паркер был на-чеку. Он решил никому не верить на слово, во все вникать и убеждаться собственными глазами.

Большевистские варварства бросились ему в глаза сразу:

В центре колхоза зияла разрушенным верхом большая каменная церковь. Крест и колокол с церкви были сняты. Вместо них наверху висел прожекторный фонарь, освещавший скотный двор и конюшню.

„Поруганная святыня“, — с горечью констатировал мистер Паркер и осторожно попросил разрешения осмотреть руины. Мистера проводили во внутрь. К глубокому своему удивлению, он не нашел там ничего из того, что ожидал встретить. Ни ящериц, юрко бегающих в расщелинах стен, ни дремучих сорняков, ни зеленой плесени на углах.

На месте бывшего алтаря стояла электрифицированная мельница. Старик-колхозник с огромной бородой, запудренной мукой, включал мотор и пробовал размол.

В правом приделе помещался склад с заготовленными промтоварами. В левом — летняя столовая для колхозников.

На новеньком скотном дворе, с крышей, выложенной по-голландски шашками, стояло около полуроста коров. Буренушки, просунув головы в металлические хомуты, косились на мистера Паркера, пожевывая клевер, облитый бардой.

Старушка-уборщица Василиса Кортаева похлопала по отвислому заду одну из питомиц и гордо сообщила гостю:

— Шутихой звать. Знатная корова. Первый сорт. Ударница. По 15 литров на удой дает. Сзаграницы индеец один к нам тоже приезжал, личность у него вроде медного самовара с бородой, фотографией снимал. И у тебя, поди, фотография-то есть.

Мистер Паркер вытащил „Лейку“. „Дипкурьер“ Максаков на своем „воля-пюке“ сейчас же забормотал:

— Ди альте. Ла виель. Тоже ударница. Компрене? 365 трудодней выработала. А 7 Дрей хундерт суасан финф. Во!. Знай унзер.

Рядом, на конюшне, мистер Паркер встретил знакомого. Того самого ленивого и неповоротливого мерина, который вез его сюда со станции. Гнедой мерин носил почему-то грозное африканское название „Цирроко“, выведенное тут же на табличке.

Неразговорчивый и чем-то недовольный слесарь, с черными длинными усами, показывал гостю инвентарь — электрическую молотилку, картофелеотборку и гордость колхоза — механическую капустосажалку.

Тогда мистер Паркер осторожно шепнул монтеру:

— Чем вы недовольны, мой друг? Скажите мне. Чего вам нехватает?.. — Монтер покосился на гостя и буркнул:

— Чего нехватает? Часы вот надо со стрелкой. Хронометраж завести хочу.

Мистер Паркер пожал плечами и пошел дальше.

В колхозных яслях, где в маленьких кроватках лежала детвора, он отдернул одеяльце и пощупал детишек. Дети оказались настоящими, тепленькими и упитанными

Вечером, когда стемнело, мистер Паркер, памятуя все же о возможных ужасах, заготовил на всякий случай электрический фонарь и браунинг. Но неожиданно в каждом из 115 колхозных домов вспыхнуло по три электрических лампы, а на колхозных улицах зажглись 18 двухсотсвечевых фонарей.

Ночевать мистера Паркера отвели к бабке-колхознице Горбуновой. Горбунова сидела за пряхлой.

В переднем углу, возле иконы, красовались два портрета Ленина, картина Изогиза „Французский рабочий“, „Таитяне в хижине“ Гогена, плакат о борьбе с вредителями и целая стена фотографических карточек.

На тонкие, обходящие вопросы мистера Паркера о доходе и прожиточном минимуме бабка достала расчетную книжку и начала перечислять доходы.

— Вот, видишь, с дочкой-ученицей наработали мы 320 трудодней. Выдали нам, значит, 200 кил ржи, 150 кил пшеницы, 700 кил капусты, огурцов, картофеля, моркови, томата, яблок, 500 литров молока да еще 1.000 рублей денег. Много ли мне, старушке, надо. У меня ведь и ноги-то, почитай, не ходят. А колхоз меня обеспечил.

Перебивая старушку, из рупора на стене понеслись сладкие звуки мирового тенора Карузо „Ла донна э мобиле“. Одновременно знаменитый тенор свирепствовал в рупорах всех без исключения колхозных дворов.

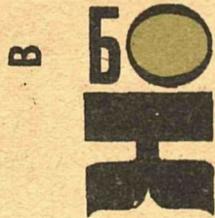
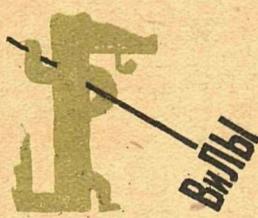
Мистер Паркер почувствовал, что расчеты на небывалые приключения и неслыханные ужасы советских колхозов лопнули окончательно. Он спокойно улегся в чистую кровать с периной и заснул сном праведника.

Маленькое послесловие к этому, почти достоверному происшествию.

Приехав домой, в штат Аризону, мистер Паркер был неприятно поражен, узнав, что банк продал его ферму за долги, в погашение претензий кредиторов, и из фермы вывозили трактор, патентованный радиоприемник и пианино, купленное в рассрочку.

О чем мистер Паркер добросовестно и написал в колхоз „Искра“ „страшному“ председателю колхоза мистру Савину и „большевистскому комиссару“ мистру Камушкину.

БЕН-ГАЛИ

ГЛЯДЕТЬ В ОБА!

Есть еще счетоводы в колхозах.

В коммуне имени ОДВКА, Евпаторийского района, в отчете на вопрос о том, сколько зарезано свиней, отвечено просто, и главное без всякого надувательства. Прямо скажем, фактически отвечено: сколько зарезано, столько и съедено.

„Человек — не свинья, обойдется без арифметики“, — думает счетовод.

Впрочем, это не единственное его, счетовода, художественное произведение.

В списке коммунаров читаем:

Фамилия, имя, отчество — Бурцева Татьяна Батьковна(?)

Месторождения — вагон(?)

Опасаемся, как бы НКПС, прочитав эту заметку, не решил, что мы намекаем на необходимость организации родильного дома на колесах или на первое время абортария в поездах дальнего следования.

Не на это мы намекаем. Мы намекаем насчет того, что за счетоводом в колхозе следить нужно.

ДЕЛА СВЕТОФОРНЫЕ

Блеск московских светофоров не давал спокойно спать руководителям самарской милиции. Нужно отдать честь самарцам: светофоры они соорудили не хуже московских. Глаза светофоров сияли буквально нестерпимо. Но движение на многих улицах было настолько незначительным, что подмигивать светофорам оказалось некому, а бродячие собаки упорно не желали подчиняться световым сигналам.

А в это время (как пишут в кино-фильмах) регулирование движения на улицах, что потемнее, перешло в руки хулиганов, так как милиционеры были заняты главным образом тем, что любовались своими блестящими светофорами.

ПЛОХОЙ СТАНДАРТ

Думается нам, что в некоторых отделах Огиза рационализация дошла до ручки, или, вернее, до печатного станка. По заказам, которые принимает „Книга-почтой“, вместо книг высылаются (правда, почтой) стандартные извещения:

„Книга-почтой“ ставит в известность своих заказчиков, что требуемые книги, не полученные

к моменту вручения настоящего извещения, не высылались потому, что они распроданы.

Такие извещения Красновишерская школа ФЗУ (Уральской области) получала регулярно вместо книг.

Не напоминает ли это стандартное извещение известнейший плакат, красовавшийся на одной из подмосковных лавок: „Нафталина нет, и неизвестна“.

„ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ“

Хотя утренние спектакли в театрах должны даваться по полной вечерней программе, в чем зритель уверяют афиши, утренник 18 февраля в московском Мюзик-Холле, как выяснилось, вместо трех отделений состоял только из двух и то не полных. Продолжался он 1 ч. 30 м, включая сюда и двадцатиминутный антракт. Конфетансье сбежал с половины спектакля.

Ну и „темпы“!

Товарищи из Мюзик-Холла! Давайте условимся. Даже в „музыкальном магазине“ (при участии и под управлением Л. Утесова) товар должен отпускаться полным весом.

Пожалуйста, без обвешивания!

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-18. Прием ежедн. с 1 до 5 час.

Подписная цена на журн. — 80 к. в м.

Подписка принимается только почтой

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 277

Сдача текста и рисунков — 4/III.

Подпись к печати — 9/III.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 176.000

Уполномоченный Главлита № В — 45181.

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 528. Тираж 260.000

ПО ТРЕМ ПРИЧИНАМ

Я хотел жить культурно. Ничего преступного в этом желании нет. В декабре прошлого года я подписался на „Правду“, „Известия“, „Вокруг света“, „Большевик“ и еще что-то. 1 января я отдал распоряжение газет не покупать.

— Может быть, — сказала жена, — взять на всякий случай?..

— Не надо, — ответил я, — сейчас принесут.

Но ни первого, ни второго, ни третьего января ничего не принесли.

На пятый день пошел я в почтовую контору. Нашел окошечко по своей части и спрашиваю, как и почему.

— Есть, гражданин, три причины, — сказала мне барышня. — Первая, — если по вине экспедиции самой редакции, вторая, — если почтальон не доставил, и третья, — если по вине нашей экспедиции...

Потом барышня выслушала ответ и начала волноваться. — Не вы одни, таких много (она выразительно махнула рукой в мою сторону, а позади меня уже человек десять стояло). Заявление подавайте, разберем в порядке очереди.

Я ушел. На другой день я подал заявление. Было седьмое января. Восьмого я получил „Правду“ за третье и „Известия“ за первое января. После этого я стал получать „Вестник здравоохранения“, „Льновод“, „Соевик“, „Метрострой“. Густой полосой пошли газеты на языках меньшинств. Украинские и немецкие я читал. Я разбирал буквы народов Востока с латинизированным алфавитом. Но кончилось и это. Стали прибывать газеты народов, которые только недавно создали свою письменность. Тут были и марийские, и бурятские, и каких-то малоизвестных народов Камчатки. Я узнавал национальность только по адресу типографий, внизу газеты.

А жена все спрашивала:

— Может, начать покупать?

— Не надо, — говорил я, — повремени. Это некультурно стоять в очереди за газетой. Надо учиться жить.

Тогда она начала тонко издеваться.

— Сегодня, — говорила она, — тебе привет от народов Дагестана или от народов Кара-Калпакии, от трудящихся Хакассии...

Сколько я перенес за это время, рассказать трудно. Я решил все стерпеть. Я изучал языки. Я начал разбирать труднейшие иероглифы. Я стал коротковолновиком и переговаривался с радиолубителями Марийской области. Я нашел коротковолновика, который получал мои „Известия“, и агронома, чей журнал „Соевик“ продолжал упорно прибывать ко мне.

Но однажды все рухнуло. Жена вошла в кабинет, как обычно улыбаясь, и сказала странно ласковым тоном.

— А сегодня тебе привет от Хреновского завода...

Я не верил своим глазам. Это была многотиражка Хреновского конного завода. Моя голова не вмещала больше знаний.

— Хорошо, — сказал я, опустив голову, — покупай в киоске с культурой было покончено, но газеты и журналы продолжали прибывать. И так будет до 1 января 1934 года. Я знаю аккуратность нашей почты.

Я. БЕЛЬСКИЙ

СМОТРИ В КОРЕШКИ

СЛУЧАЙ

Случилось, что Огиз Издал брошюру о постройке ульев. Вдруг под обложку — сюрприз! В нее был вшит роман „Двенадцать стульев“.

Мы говорим, в Огизе хоть и не были: Иные здесь сидят для мебели!

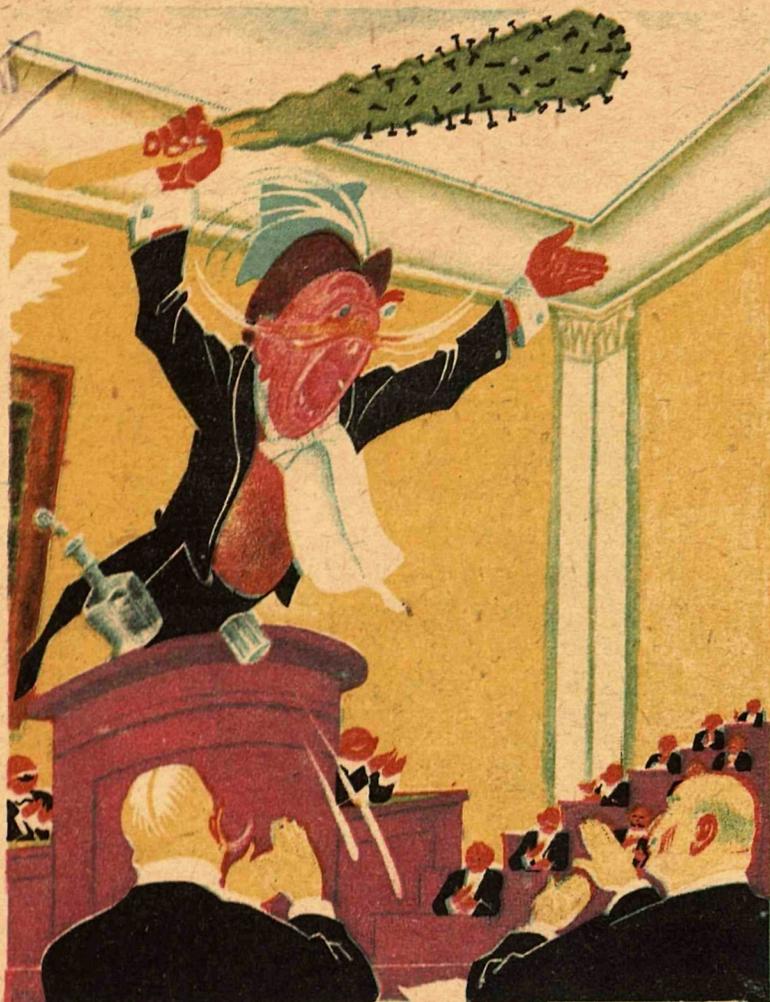
$$2 \times 2 = 4\frac{1}{2}$$

Какой-то школьник обнаружил пыл, На папешку обрушившись лавиной! — Ура! Я только что открыл, Что дважды два — четыре с половиной!..

Увы, отыскания не празднуется дата! Он попросту открыл... учебник Госиздата! В. ГРАНОВ

Польский депутат Дух требовал усиления репрессий против коммунистов.

Рис. Д. Мельникова

СОШЕСТВИЕ СВ. ДУХА В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ

(Тема М. Глушкова)

42
15/10

АРХИВ
22 МАР 1935
Г. Д. К. П.

Покушавшийся на президента американец осужден к 80 годам тюрьмы. По 20 лет — каждый выстрел.

Рис. М. Черемных

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ: — Что же я теперь делать буду?.. Умер окаянный, а кто покроет дефицит в 23 года?..

(Тема Я. Бельского)

Полицейский социал-демократ Носке обратился к национал-социалистам с покорнейшей просьбой дать ему возможность дослужить до пенсии.

Рис. К. Ротова

НОСКЕ: — Какая партия — мне все равно, лишь бы жалованье платили.

(Тема А. Бухова)

Рис. Л. Бродаты

НА ИНОСТРАННОМ ДРЕДНОУТЕ

ЖУРНАЛИСТ: — Неужели эти орудия повертываются в любую сторону?..

ОФИЦЕР: — Тсс... тише, команда услышит!

(Тема А. Бухова)